ВЕРА ДМИТРИЕВА
последний лед

Вера Дмитриева

Последний лед. Стихи и проза

«Издательские решения»

Дмитриева В.

Последний лед. Стихи и проза / В. Дмитриева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930872-6

Бывает, живет человек, и все, вроде, у него, как у всех… Есть будни и праздники, друзья и враги, радость и печаль, а душе неуютно, тесно, холодно, как будто ледяная корка не дает истине пробиться сквозь нее. И вот однажды, повернув голову, вдруг видишь ангела за плечом. Истина, наконец, пробивается в душу, становится огромной и горячей, как солнце — Солнце Правды. И все меняется. Именно об этом моменте жизни автора рассказывают стихи и проза в книге «Последний лед».

ISBN 978-5-44-930872-6

© Дмитриева В.
© Издательские решения

Содержание

Бог мой – Свет омраченных 6
Первоцвет 7
Утро 8
Пробуждение 9
Дорога к храму 10
С Богом все хорошо 11
Умиление 12
По следам земным Христа 13
Благовещение 13
Рождество 14
Мариам 15
Святая ночь 16
Крещение Господне 17
Христос в пустыне 18
Мытарь и фарисей 19
Притча о расслабленном 21
Преображение Господне 22
Вход Господень в Иерусалим 24
В Гефсиманском саду 26
Великая суббота 28
Пасха 29
Свете Светлый 30
Воздвижение Креста Господня 30
Молитва ангелу-хранителю 31
Свете Светлый 32
Ангелу -хранителю 33
Городские Святые 34
Последний лед 35
Сновидения 36
Птица одиночество 37
Бессонница 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Последний лед
Стихи и проза

Вера Дмитриева

© Вера Дмитриева, 2018

ISBN 978-5-4493-0872-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бог мой – Свет омраченных

***

В нашей жизни плачевной
утешение есть.
Бог мой, свет помраченных,
Ты со мною,Ты здесь!
От невидимой пропасти
Ты меня отведи.
Как тепло с Тобой, Господи,
словно солнце в груди!

Первоцвет

На радостный призывный свет
стремлюсь.
Куда? Бог весть!
Так самый ранний первоцвет
пытается пролезть
сквозь уплотнившийся сугроб.
Что остановит нас!?
Я рвусь и разбиваю лоб
о неприступный наст
гордыни и своих страстей,
и суеты сует.
Как трудно вырваться из стен
своей тюрьмы на свет.
Но хрупкий, маленький цветок
продрался невредим,
и хлынул солнечный поток,
обрадованный им.
Цветочный носик из зимы
торчит, как клюв птенца.
Мы рвемся, Господи, из тьмы,
которой нет конца.

Утро

Всю ночь по окнам дождь хлестал,
висела хмарь, как одеяло,
а утром небо – что кристалл
переливалось и сияло,
дразнило солнечным лучом,
и ангел за моим плечом
шуршал невидимо крылами.
Над миром, простирая длани,
Бог новый день нам освятил.
И сквозь рассветную дремоту
я, осознав его заботу,
вновь изо всех душевных сил
тянусь к нему святой молитвой,
такой короткой и нехитрой.
И чувствую: просить я вправе
лишь то, что мытарь в Божьем храме.

Пробуждение

Еще спеленутая сном
лежу, не открывая глаз.
В моем убежище лесном,
переливаясь как алмаз,
восходит солнце.
Как проспать
волшебный миг!? Вставай, смотри!
Не повернуть минуты вспять,
не повторить восход зари.
Какая дивная она —
заря: румянец, перламутр.
А будет ли еще одна,
то знает лишь Господь, Он мудр.

Пусть грешен этот мир и стар,
но это утро есть уже,
и каждый миг – бесценный дар,
и испытание душе.
И если человек живет
в такой красе в мирке своем,
то, что же в горнем мире ждет
того, кто водворится в нем?

Спаситель, будь всегда со мной,
и укажи дорогу в рай.
Не дай уйти мне в мир иной
без покаяния. Не дай!
Я в этой жизни как в лесу,
но как светильник пред собой
надежду светлую несу,
и память смертная со мной,
и радость в предвкушеньи дня,
и слезы, слезы по лицу.
Спасибо, что сегодня я
проснулась славу петь Творцу.

Дорога к храму

Люблю я к храму подходить
под звон колоколов,
и у дверей уже ловить
звучанье древних слов.
Изведав притяженье их,
узреть, идя на зов,
сиянье нимбов золотых
вокруг святых голов.
То, что осталось за спиной,
все исчезает вмиг,
со мной лишь чистый, неземной
Его скорбящий лик.
И благовест в начале дня,
определяя суть,
зовет, зовет, зовет меня
в мир горний, в трудный путь.

***

Когда отвергнутая страсть
в плен снова забирает душу,
все по пути круша и руша,
как тут в уныние не впасть!?
Где, где ты дал ей послабленье,
не устоял, не победил?
И ощущаешь запах тленья
и на борьбу уже нет сил.
В себя не веришь – и не надо,
слаб человек, упал опять,
но есть у падшего отрада —
на Божью помощь уповать

С Богом все хорошо

С Богом все хорошо. Даже боль,
даже скорбь и печаль объяснимы.
И дает утешение Бог,
исцеленье души, если с Ним мы.
Жаль, что юность промчалась моя
без Его доброты и участья.
Лишь в недуге очнулась, моля
не о теле греховном – о счастье
просыпаться и думать о том,
что теперь я живу под защитой,
что любовью наполнен мой дом,
и что каждый мой шаг мне засчитан.

Что я сделала с жизнью своей!
Что, слепая, с детьми сотворила!
А казалось, жила без затей,
как и все, в небесах не парила.
Боже правый, помилуй, прости,
изгони злобных бесов наружу.
Темной страсти не дай оплести
неокрепшую, блудную душу.
Помоги мне бороться с грехом,
продвигаясь дорогой Завета.
И позволь возвеличить стихом
Богородицу – мать Бога Света.

Умиление

Храм – от недуга душевного средство,
лечит любовь от тоски и томленья.
Плачут глаза – улыбается сердце,
может быть, это и есть умиленье.
Не понимали, что Богом завещано,
души, – они каменели в печали.
Каждому было дано благовещенье,
только немногие «Да» отвечали.
Только одна Непорочная Дева
в дивную тайну проникла глубоко.
Что ж ты, душа моя, не восхотела
стать восхищенно вместилищем Бога?!

По следам земным Христа

Благовещение

Она читала библию, то место,
где сам пророк Исайа говорил:
«Родит дитя невеста безневестная,
и назовут его Эммануил:
Она, молитве предаваясь жаркой,
мечтала эту Деву увидать,
и быть рабой, последнею служанкой
Той, кто Христа способна миру дать.

Вдруг по лицу как будто дуновение,
шум крыльев, звон и светозарный лик,
так ангел, что принес благословение,
перед Марией-Девою возник.
И Та не испугалась, не вскричала,
ведь он и раньше с Нею говорил.
Блаженный миг, Истории начало —
Благая весть.
Архангел Гавриил
промолвил: «Ты зачнешь во чреве сына.
Ты обрела у Бога благодать».
Она смущенно лишь одно спросила:
«Не зная мужа, как смогу зачать?».
Постигнув волю Божию, Мария
и жизнь, и душу отдала Ему,
ответила, сомнения отринув:
«Да будет Мне по слову твоему».

Благоговейно очи опустила
она, благословенная средь жен,
и Слово невместимое вместила.
Так для людей светильник был зажжен,
что разбудил их заспанные души,
и мрак безликой смерти разогнал.
И Бог, Кто царство темное разрушит,
в Ней, безневестной человеком стал.

Рождество

Сыпет снег и ветер воет,
ночь темнее всех ночей.
В храме стойкий запах хвои
и медовый дух свечей.
Здесь и золото, и мирра,
и рождественский покой.
Будто два различных мира —
храм и то, что за стеной.

Мир стучится к нам упрямо
и смущает естество.
А в вертепе в центре храма
дивный образ – Рождество.
Счастлив тот, кого к истоку
и сегодня и тогда
привела к Живому Богу
путеводная звезда.

Мариам

Имя, пережившее века,
утвердилось у людей российских.
Имя, голубое как река,
что течет среди лугов росистых,
напоенных ароматом трав,
горькой их лечебной благодатью.
И звездой серебряною став,
имя блещет над речною гладью.

Как оно тогда звучало там,
где родился Иисус Спаситель?
Тихо звал Иосиф: «Мариам,
проходи, хоть и бедна обитель,
все ж она спасает от ветров.
Есть пещера, хлебушек, водица.
Мариам, вот ясли для волов
с мягким сеном. Может, пригодится?».
Мариам, Мария – светлый звук,
и Она, услышав в ритме сердца,
вторящий ее сердечку стук,
без истленья родила младенца.

Святая ночь

На небе звезды, будто зерна хлеба,
они взошли надеждою, когда
в тот колокол сияющего неба
ударила подвижная звезда.
Она пришла с Востока к Вифлеему,
за нею мудрость – древних знаний дочь.
Дышала и жила в земных пределах
Святая ночь, Рождественская ночь.

Спокойно спал, посапывая мирно,
Царь, Человек и Бог. Всю жизнь потом
хранила Мать и золото, и смирну,
и ладан, и пророчества о Нем.
О чем тогда молилась Приснодева,
клонясь над Сыном, Господом ее?
О, эта ночь, рождественское диво,
вертеп, так непохожий на жилье!

Но прежде чем волхвы вошли с дарами,
привел Архангел пастухов сюда.
Так всех богатых и премудрых ранее
пришла к Нему святая простота.
Тепло младенцу. В яслях не застынет
спеленатый Марией в первый раз.
А тот, кто после возопит в пустыне,
полгода уже пробует свой глас.

Крещение Господне

Был тихий вечер, воды Иордана
катились, омывая сотни тел,
и в сумерках фигура Иоанна
бесплотною казалась, словно тень.
Белели в полумраке чьи-то лица,
Креститель темен от загара был,
и плотная верблюжья власяница
его скрывала.
Поднимая ил,
текла река.
По берегу ступая,
к нему шел Некто, светом окружен.
Не видела его толпа слепая,
Предтеча видел, и смутился он:
«Я недостоин даже наклониться
ремни его сандалий развязать!
Ты ль от меня!?
Я от тебя крестится,
Сын Божий, должен.
Мне ль тебя не знать?!
Ведь прежде, чем глаза мои узрели,
и «Радуйся», – произнесли уста,
душа взыграла, как дитя во чреве,
услышав приближение Христа».

«Оставь теперь, – сказал ему Мессия, —
сейчас исполнить правду надлежит».
И в воду ноги погрузив босые,
он ждал: волна омоет, набежит.
Встал Иордан и даже вспять пустился,
внезапно отразив Священный Лик,
и белый голубь плавно опустился,
и дивный свет из темноты возник.
И голос с неба эхом и повтором
вдруг зазвучал ритмично, словно стих:
«Се сын есть мой возлюбленный, в котором
мое благоволение», – и стих.

А свет остался, Иордан светился,
и небо полыхало в День светов.
Народу Агнец Божий так явился,
на крестный путь ступить он был готов.
Волна вернулась, потекла поспешней,
святою стала мутная вода.
Грехи людей Он принимал, безгрешный,
И Новый Мир для нас возник тогда.

Христос в пустыне

Розовеет небо на заре,
не палит еще пустыню зной.
Иисус – безвестный Назарей —
Бог в своей обители земной
сорок дней постится и бредет
голыми ногами по песку.
Зная, что распятие грядет,
чувствует ли смертную тоску?
Молится, почти не ест, не пьет,
ведь не хлеб единый жизнь дарит,
не акриды, и не дикий мед,
жив он тем, что с Богом говорит.
И вступая на тернистый путь,
Сын Отца о чем тогда молил?
Не дано нам в душу заглянуть
Богочеловека. И манил
сатана предвечного Его,
обещая мир к ногам сложить.
Ангел тьмы, не знает он того,
как собою жертвуя, любить.
Не дано ему уразуметь,
что на крест Христос себя обрек,
ведь за други жизнь не пожалеть
может только Бог… и человек.
Розовеет небо на заре,
не палит еще пустыню зной,
Иисус – безвестный Назарей
ради нас идет на подвиг свой.

Мытарь и фарисей

Говорил Бог Слово слово,
кто как мог – так понимал.
Сеть закинул и улова
Он большого ожидал.
Растекался свет нездешний,
горний над округой всей:
«В храме двое: мытарь грешный
и тщеславный фарисей.
И пока один, смиренный
плакал о своих грехах,
тот, второй, как пуп вселенной,
гордо к Господу воззвав:
«Благодарствую, мой Боже,
у меня все в жизни есть,
и, мое богатство множа,
Ты даешь мне пить и есть,
и здоровье, и уменье.
Я не грешник, не изгой,
и Тебе я часть именья
жертвую, о, Боже мой.
Благодарствую, что лучше
очень многих я людей,
и смотрю на них я с кручи
книжных знаний и идей.
Я не то, что грязный мытарь,
в коем грешная душа.
И лицо мое умыто,
и одежда хороша».
Ну, а мытарь у порога
бил себя руками в грудь
и молил смиренно Бога
только: «Милостив мне будь».

И в моей душе, как в храме,
мытарь есть и фарисей,
не могу сказать заранее
кто из них во мне сильней.
Только слезы покаянья
перестанут жечь глаза —
шепот самообожанья
стелется, ужом скользя.
Господи, мою гордыню
помоги преодолеть,
напои мою пустыню,
озари земную твердь.
Ты любовь во мне посеял,

указал мне путь домой,
помоги же с фарисеем
справится в себе самой.

Притча о расслабленном

И принесли к Нему недужного,
расслабленного на постели.
Казалось никому не нужного,
в ком жизнь держалась еле-еле.
А кто принес о том ни слова.
То были сыновья иль братья,
друзья, соседи ли больного
его любили так, что ради
его спасенья от недуга,
пытались сквозь толпу пробиться?
Отца ли, брата или друга
несли и знали: «Исцелится,
как только Он его коснется».

В дом не пробиться, где учитель, но
возможно все тому, кто верит.
Трудна работа и мучительна
прокапывать на крыше двери.
И, прокопав, спустив к спасителю
греховную, больную душу,
молили вчетвером: «Спаси его!»
«Я вашу веру не разрушу.
По вере вашей исцеление», —
так отвечал Он, исцеляя.

А завтра, завтра воскресение,
и каждого ждут двери рая,
а может ада. И по вере нам
и по грехам воздастся всякому.
Жар или холод, иль умеренно
в душе моей? Что ждать, прося кого
помочь мне сквозь грехи пробиться,
и кровлю маловерья руша,
к ногам Спасителя спуститься,
чтоб исцелил мою он душу?

Картины бытия малюя —
во мраке искры золотые, —
вас, исповедники, молю я,
вас, мученики, вас, святые:
«Не отступитесь, помогите,
меня простите окаянную,
с одра молитвой поднимите,
пред Богом душу покаянную».

Преображение Господне

Какой великий день «Преображение»!
Звон колокольный и свечей возжжение.
Мне в храме каждый прихожанин мил.
С молитвою взгляд поднимаю горе,
Господь преобразился на Фаворе
и образ свой божественный явил.
На аналое чудная икона,
и, кажется, до мелочей знакома,
но тайны все ж не открывает всей,
вот, почему из невозможной сини
возникли вдруг не ангелы, не силы,
а Илия-пророк и Моисей?

О чем они с Иисусом говорили?
За милость ли его благодарили
и укрепляли в выбранном пути?
Иль обсуждали, как Закон исполнен?
Пророчества сбылись и мост построен,
чтоб в Царствие небесное войти.
Они приход мессии предвещали,
сейчас явились из небесной дали
просить смиренно род людской спасти.
А Он? Он так неистово молился,
преображаясь, лик Его светился.
Сиял Фавор и: «Господи прости!», —

ученики, увидев чудо это,
упали в страхе под напором света
и голоса, звучащего с небес.
А после – крики радости, осанна
Иакова, восторги Иоанна,
а Петр благоговейно произнес:
«Как хорошо остаться здесь без сроков!
Три кущи для Тебя и для пророков
мы сделаем, и будем жить при вас,
здесь на горе, у Твоего порога,
о, Господи! Ты сын живого Бога!…»
Пророки скрылись. Дивный свет угас.

Но тот восторг в учениках остался:
уверенность, что к Богу прикасался,
причастность к древней тайне бытия.
Не пред толпой Господь преобразился,
троих он посвятил, троим открылся,
сиянья Божьей славы не тая.
Мы помним это и живем в надежде,

что Он придет в блистающей одежде
белее снега. Словно солнце лик…
Целую край иконы в восхищении,
О, Господи, молю я о прощении,
и радуюсь, что свет во мне возник.

Вход Господень в Иерусалим

У ворот – народ,
людской водоворот,
праздничная суета,
толпа, как потоки лавы:
«Поднимите ворота,
пусть внидет царь славы».
В глазах восторг и надежда,
путь устелен одеждой,
и ослик шагает, старается,
не пугается, не упирается,
не обходит людской поток,
хоть Он его первый седок,
и, надо же, царского сана.
«Осанна, осанна, осанна!
Грядущий во имя Господня!
Мессия к нам прибыл сегодня,
обещанный древним заветом».
Бежали, ликуя, следом,
кричали, вопили, выли,
качали ветками выи.
«Он наши мечты не предаст,
свободу, богатство даст.
А главное, власть над миром,
и будет нашим кумиром.
Для тех, кто в него поверит,
все распахнутся двери».

Но царь иудейский скромен,
и нищ, кто за ним идет.
Не выглядит он героем,
ни денег он не дает,
ни почестей и ни власти,
погибельны эти страсти.
Врагов не утопит в крови,
а все говорит о любви.
«Безумец, остановись,
какая в любви корысть?!
Нет, не миссия это —
сын плотника из Назарета.
И братья его известны,
и сестры – наши невесты».

Толпа слепа,
глуха толпа,
бессмысленна и сурова.
Как в шторм волна

несет она
погибельное слово.
Господи, не вчера ли
Тебя, как царя встречали!?
Что ж ныне кричат они:
«Распни его!
Ра-ас-пни!»
А мы? Мы сегодня тоже
на этих людей похожи.

В Гефсиманском саду

Ночь тиха в Гефсиманском саду,
освещенном лампадами звезд,
и оливы в весеннем цвету,
словно стражники заняли пост,
в круг сойдясь, защищали Его,
укрывая завесой ветвей.
Больше не было с ним никого,
спали те, кто всего был нужней.

Не смогли его боль разделить,
скинуть дрему и бодрствовать вновь,
и в молитве сердечной излить
вместе с ним и тоску и любовь.
«Вы все спите», – вздохнул Иисус
и ушел под защиту олив,
и скорбел он, и рвались из уст
птицы, к небу летящих молитв.

Скорбь и боль одинокой души
в ночь молитва святая несет:
«Отче мой, укрепи, поддержи», —
пот кровавый струится. И вот:
«Пусть минует мя чаша сия,
впрочем, делай, не как я хочу,
а как Ты». Крест в уме воссиял.
Разметались власы по плечу.

Вновь с надеждой и скорбью идет
к тем, троим. Как они там? Бог весть!
«Вы все спите! Вот час мой грядет.
Предающий меня уже здесь».
Но с трудом разлепляя глаза,
ни один ученик не ответил.
Лишь Иуда пришедший сказал:
«Равви», и поцелуем отметил.
И потом жадных глаз не сводил
он с Христа в ожидании смуты.
Из двенадцати он лишь один
этой ночью не спал ни минуты.

Ну а мы? Мы Христа предаем,
все законы Им данные руша.
Прозябаем в паскудстве своем,
и не видим, как рвем Его душу.
Или спим, не заботясь о том,
что погрязли в обыденной скуке.

Он все ждет нас, раскинув крестом
для объятий простертые руки.

Великая суббота

Какая ранняя весна!
Апрель, ненастья нет в помине,
и даль небесная ясна
от сотворенья и поныне.
Какая в мире тишина
стоит в Великую субботу,
но как душа напряжена
и скована одной заботой:
ждать, ждать Спасителя Христа,
у смерти вырвавшего жало.
Суббота праведно чиста,
свет воскресенья отражала
схожденьем дивного огня
на гроб Господень.
Чудо это
таит до нынешнего дня
и дарит нам Суббота света.

Еще Спаситель не воскрес,
но радостное ожиданье
огня сходящего с небес
действительность, а не преданье.
Суббота, Он в гробу еще,
и в то же время, верить надо,
спустился в ад. Тех, кто прощен
он вывел из застенков ада.

Во храме – благовест свечей,
и Пресвятая плащаница,
чин освещенья куличей,
и радость в души к нам стучится.
А завтра самый светлый день —
Его святое воскресенье.
Уйдет страстной недели тень,
и мир исполнится веселья.
«Христос воскрес» – и в сердце свет,
и взгляд уходит в поднебесье,
оттуда слышится в ответ:
«Христос воистину воскресе».

Пасха

Свет в душе от солнышка весеннего.
Свет в душе от пламени свечей.
Светлое Христово Воскресение —
мира многотрудное спасение.
Яркое, манящее веселие
расписных яиц и куличей.

Свете Светлый

Воздвижение Креста Господня

Трусливо палачи зарыли
и крест, и гвозди, и копье,
казалось им – навек сокрыли
Христову славу, свет ее.
Но тот, кто ищет – тот обрящет,
по царской воле найден Крест,
воздвигнут он животворящий,
огромен, виден всем окрест.

Горит огнем неопалимым
он – светоч в городе святом.
Не только над Иерусалимом,
над всей землею поднят он.
Сквозь холод, мрак, по бездорожью
иди же по его следам,
ищи, неси к его подножью
свой крест, что во спасенье дан.

А если кажется, что выше
твой крест твоих ничтожных сил —
к распятью подойди поближе
его слезами ороси.
Омой же душу покаяньем
чтоб испытанье превозмочь,
И с Ним почувствуешь слиянье,
уныние отступит прочь.

Молитва ангелу-хранителю

Найди меня, утешь меня, приди
туда, где вторя плачу грустных вдов,
серебряными пальцами дожди
перебирают струны проводов,
и барабанят в темное окно,
в которое смотрю я без конца,
и понимаю: в жизни не дано
мне ни любви, ни принца, ни венца.
Найди меня среди заблудших душ,
мой ангел, невостребованный мной,
и стену маловерия порушь,
открой мне мир свой дивный, неземной.

Свете Светлый

Свете Светлый,
светло на душе у меня,
когда ты осеняешь крылом,
с неба благовест шлешь, и, трубя, и звоня,
и судьбы исправляешь излом.
Свете Светлый,
не дай опуститься во тьму,
нисходя по ступеням грехов.
Ты и сердцу защиту даешь и уму.
Не оставь же во веки веков
мою грешную душу, и здесь на Земле,
и потом в неизвестной дали.
Помоги оправдаться на страшном суде,
удали от меня, удали
козни царствия зла.
Помоги мне прозреть
отличать где лицо, где испод.
Свете Светлый,
внезапно не дай умереть
предвари покаяньем исход.

Ангелу -хранителю

Что делал ангел, данный от рожденья
мне, нерадивой, тонущей в грехах?
Что делал он до моего крещенья?
Мне кажется, что нес он на руках
затерянную душу. Тихо воя,
она пыталась пересилить боль.
Так раненых выносят с поля боя,
хотя мне был неведом этот бой.

Что делал ангел, данный от рожденья,
когда его я не хотела знать?
Терпел и ждал, ни слова осужденья,
но он не мог хранителем мне стать.
И все же если путь мой обрывался,
и к пропасти я двигалась, спеша.
То рядом, будто кто-то появлялся,
и не давал мне сделать страшный шаг.

Что делал ангел, данный от рожденья,
когда я шла на ощупь в темноте?
Спасти не мог, но неотвязной тенью,
за мною с болью следовал везде.
Хранителем он стал мне в час крещенья,
в конце пути я обрела его.
Теперь прошу защиты и прощенья,
за то, что смела жить я без него.

Городские Святые

Есть города, что царства-государства,
набитые народом, как зерном.
Их боль и страсти, бедность и богатство
мне кажутся порой нелепым сном.
Над ними небо благость распростерло,
стараясь души обогреть, спасти,
но город перемалывает зерна
людей,
и не дает им прорасти
в тот дивный мир, где так светло и ясно.
Как страшен шум гранитных жерновов,
и, кажется, стараешься напрасно
разрушить цепи дьявольских оков.
Но чувствуешь, помочь нам кто-то хочет.
С людей Святые не спускают глаз.
В Санкт Петербурге Ксения хлопочет,
в Москве Матрона молится за нас.
С надеждой к ним мы обращаем взоры,
и просим лишь любви и доброты.
И мысли очищаются от сора,
и помыслы становятся чисты.
Святые наши с небесами слиты,
им ближе мир, где правит Иисус,
и наши неумелые молитвы
они несут к нему как ценный груз.

Последний лед

Земля проснулась, жадно пьет
живую воду по весне.
С озер и рек последний лед
сойдет, и будут дни ясней.
Зимы медлительный исход
в себе я чувствую уже,
грохочет мощный ледоход
в моей оттаявшей душе.
В ней тьмы и света вечный бой,
и неразрывная их связь.
Уносят льдины за собой
всю накопившуюся грязь.
Все, что ненужно стало вдруг
на льдинах кучей – жалкий вид.
Какие залежи вокруг,
тряпья, бумаги и обид.
Вот крыса на ведре верхом
средь хлама ветхого дрожит,
а дальше развалюха-дом
на льдине скорченный лежит.

Как много нынче вскрылось рек,
и льдины кружатся, звеня.
А вот на льдине человек,
его уносит от меня.
Не самый лучший на земле,
ненужный и вводящий в грех.
Ни страсти, ни обид во мне
уж нет, но он роднее всех.
Куда беспутного несет,
и как один он будет там?
Кто одичалого спасет?
И я бросаюсь по следам,
по льдинам, только бы догнать,
вернуть из бездуховных мест,
и все простить, и все понять,
и дальше понести свой крест
с любовью, радостью.
И вот
он посмотрел в мои глаза,
и без него последний лед
уходит, по реке скользя.

Сновидения

Сны толковать мне не дано,
и я всю ночь до боли
смотрю нелепое кино
с собою в главной роли,
где трюки есть, статистов рать,
нет главного – сюжета.
А режиссер… Не разобрать:
от тьмы он или света.

Как трудно выбраться душе
из заблуждений стойких,
хотя все сонники уже
мои давно в помойках.
Помимо воли мозг объят
разгадкою видений.
Ведь лишь младенцы сладко спят
без всяких сновидений.

Кто стар – бессонницей томим —
не хворью и не роком.
Бессонница дается им
для разговора с Богом.
В дневной липучей суете
или во сне дремучем
и мысли, и мечты не те,
они как дым летучий.

Ночное бдение – оно
нам не для наказания,
а для раздумия дано,
молитвы, покаяния.
И не трудитесь толковать
все то, что вам приснилось.
Все наяву вам может дать
благая Божья милость.

Птица одиночество

Ночь без сна должна когда-то кончиться.
В доме тихо, пусто и темно.
Прилетает птица одиночества
и садится на мое окно.
Что же ей, других окошек мало,
Или больше у меня грехов?
Вот она с ладони поклевала
Зернышки невызревших стихов.
Круглым глазом зорко посмотрела,
распустила черные крыла.
Я и оглянуться не успела,
А она уже гнездо свила.
Ишь, чего надумала, гнездиться!
Улетай, жить у меня не смей.
Брезжит утро, улетает птица.
Целый день до горькой встречи с ней.

Бессонница

Лежу, бессонными глазами
опять буравлю потолок,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.